

ПЕРМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ еженедѣльно по средамъ. Цѣна за годъ 5 рублей съ пересылкою, какъ и безъ пересылки.

№ 37.

Подписка принимается въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Пермской духовной семинаріи, въ Перми.

12 Сентября 1873 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Указъ Святѣйшаго Синода.—Журналъ учебнаго комитета.—Объявленіе.

I. Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Отъ 3 іюня 1873 года. О сочиненіи Бирнацкаго: „Очерки и картины изъ Всеобщей Исторіи“ въ переводѣ Бѣлявскаго,

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный господиномъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ учебнаго комитета, № 45, о допущеніи къ употребленію, въ качествѣ книги для чтенія воспитанниковъ въ духовныхъ семинаріяхъ, переведеннаго съ нѣмецкаго языка преподавателемъ 1-й Московской военной гимназіи Александромъ Бѣлявскимъ сочиненія Бирнацкаго, подъ заглавіемъ: „Очерки и картины изъ Всеобщей Исторіи“ въ трехъ книгахъ, (цѣна каждой книги 1 руб.), съ тѣмъ, чтобы при новомъ изданіи сего сочиненія исправлены были переводчикомъ указанные учебнымъ комитетомъ недостатки. Приказали: Заключение учебнаго комитета утвердить и для объявленія о семъ правленіямъ

духовныхъ семинарій послать епархіальнымъ преосвященнымъ печатный указъ, съ приложеніемъ, въ копиі, журнала учебнаго комитета.

II. Ж У Р Н А Л Ъ

учебнаго комитета при Св. Синодѣ за № 45.

О переведенномъ съ нѣмецкаго языка преподавателемъ 1 Московской военной гимназіи Бѣлявскимъ сочиненіи Бирнацкаго: „Очерки и картины изъ Всеобщей Исторіи въ 3 частяхъ (Москва. 1867—1869 г.).“

Сочиненіе „Очерки и картины изъ Всеобщей Исторіи“ Бирнацкаго, переводъ Бѣлявскаго (3 книги), въ полномъ своемъ составѣ, уже было разсмотрѣно ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и рекомендовано имъ для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій. Разсмотрѣнію учебнаго комитета подлежали только отдѣлы богословскаго характера.

Статьи богословскаго содержанія въ первой книгѣ Очерковъ и картинъ Бирнацкаго заключаются подъ рубриками: „Завѣса,“ гдѣ авторъ говоритъ, что начало міровой исторіи покрыто завѣсою отъ земли до неба и что только рука Бога могла открыть ее, т. е., что только изъ откровеннаго слова мы можемъ знать о началѣ міра и человѣческой исторіи; „первыя времена,“ гдѣ сочинитель описываетъ состояніе первобытнаго человѣка и его паденіе; „религіозный культъ,“ и „сцена,“ гдѣ изображается въ картинахъ языческое богочитаніе у народовъ востока: мидянъ, индусовъ, египтянъ и высказывается взглядъ на положеніе и значеніе евреевъ и ихъ религіи среди другихъ народовъ древняго міра, а также далѣе слѣдующія картины изъ Библейской исторіи подъ частными заглавіями: „Авраамъ, гробы праотцевъ, въ домѣ рабства, исходъ, дальнѣйшій путь, на Синаѣ, Святилище, пустыня, послѣдніе дни Моисея, Гедеонъ, Неемія.“

Направленіе книги въ религіозномъ отношеніи безукоризненно. Цѣль ея, по словамъ автора, „содѣйствовать тому, чтобы укоренить христіанскій, евангельскій взглядъ на исторію. Содержаніе, какъ всей книги, такъ и въ частности указанныхъ ея отдѣловъ, дѣйствительно, служитъ этой религіозной цѣли. Авторъ на первомъ планѣ ставитъ картину первобытнаго состоянія человѣка, руководясь библейскимъ разказомъ, а затѣмъ картины изъ

исторію израильской. Основная мысль сей книги также вполне отвѣчаетъ библейскому воззрѣнію на исторію древняго міра, — это мысль, что язычество въ своемъ религіозномъ и нравственномъ бытѣ уклонилось отъ истиннаго пути и что еврейскій народъ одинъ хранилъ истину и былъ единственнымъ представителемъ нравственной правды на землѣ. Но, увлекаясь стремленіемъ представить нравственный и религіозный бытъ древнихъ временъ въ картинѣ, авторъ иногда позволяетъ себѣ произволъ въ изображеніи этого быта и описываетъ его не всегда точно, и въ формѣ, иногда не отвѣчающей священной важности предмета. Таково изображеніе первобытнаго состоянія человѣка и его паденія въ статьѣ „первыя времена,“ наполненной громкими, напыщенными фразами, которыя не даютъ все-таки понятія о первобытной природѣ, тѣмъ менѣе умѣстное, что нынѣшняя природа не можетъ служить для насъ указаніемъ на этотъ исчезнувшій бытъ. „На востокѣ мерцаетъ заря. Свѣжій вѣтеръ, этотъ прощальный поцѣлуй улетающей весенней ночи, вѣетъ надъ прекрасно убранымъ садомъ. На легко движущихся листьяхъ липы и акацій покачиваются первыя волны утренняго свѣта. Нѣжными перстами вѣтеръ касается деревьевъ, украшенныхъ роскошнымъ цвѣтеніемъ, начинается тысячегласный, чудный шопотъ, вѣтка дрожитъ и т. д.“ Такъ начинается описаніе рая. Переходя за тѣмъ къ изображенію человѣка въ состояніи паденія, онъ описываетъ состояніе его, между прочимъ, замѣчая: „Сонъ бѣжить отъ очей его, — онъ желалъ бы молиться и не можетъ, хотѣлъ бы испросить прощеніе, не можетъ.“ Почему первобытный человѣкъ, по паденіи, не могъ ни молить, ни просить Бога, непонятно ни съ догматической, ни съ психологической точки зрѣнія. Отричаніе этой возможности равнялось бы отричанію всякихъ религіозныхъ обнаруженій въ падшемъ человѣкѣ (стр. 8). Описывая, далѣе, трудъ воздѣлыванія земли, утратившей первобытную производительность, авторъ говоритъ: „Адамъ поспѣшно встаетъ. Руками, покрытыми мозолями, онъ беретъ заступъ, чтобы вырывать неподатливую почву. Онъ схватилъ колкій волчець и вотъ по пальцамъ течетъ кровь. Наконецъ удалось вырвать вредную траву, съ негодованіемъ бросаетъ онъ ее въ сторону. Тутъ крапива тянется къ нему своими морщинистыми листьями, онъ схватилъ ее мощною рукою, дернулъ и бросилъ въ сторону. Но рука его горитъ, какъ будто въ огнѣ“ (стр. 9). Здѣсь картинность уже переходитъ въ мелочность и вовсе не вызываетъ тѣхъ чувствъ, какія возбуждаетъ мысль со жалкомъ состояніи человѣка по паденіи. А вотъ такое же описаніе чувствъ, возбужденныхъ въ Адамѣ убійствомъ Авеля. „Съ поля пронесся глухой стукъ, словно упало что-то тяжелое. Послышался какой-то зловѣщій голосъ, потомъ

опять все стихло. Адамъ вскочилъ...“ При описаніи созданія золотого тельца Аарономъ, во время пребыванія Моисея на Синаѣ, авторъ такъ описываетъ самое приготовленіе идола: „Ааронъ беретъ прифелъ и чертитъ изображеніе идола.“ Откуда замѣтено извѣстіе о томъ, что Ааронъ дѣйствовалъ этимъ пинѣшнимъ орудіемъ черченія, неизвѣстно. *Встрѣчаются* въ книгѣ Бириацкаго и мысли, выраженные не точно въ догматическомъ отношеніи и могущія подать поводъ къ недоразумѣніямъ; таковы на 4-й страницѣ, гдѣ авторъ разсуждаетъ объ откровеніи, какъ единственномъ источникѣ свѣдѣній о первобытномъ мірѣ, картинныя выраженія: „Первое слово (Бога) есть міръ; второе слово — исторія народовъ.“ Выраженія эти могутъ быть объяснены въ смыслѣ пантеистическомъ. Мысль объ обѣтованіи искупленія, данномъ первому человѣку, передана у автора слѣдующимъ образомъ: „потомство человѣка должно стереть главу змія, прельщенный побѣдить обольстителя.“ Сѣмя жены, о которомъ говорится въ Библии, не значитъ только потомство вообще и побѣда надъ змѣемъ или искусителемъ принадлежитъ не самому человѣку. Толкованіе, сдѣланное авторомъ, близко къ извѣстному раціоналистическому взгляду, по которому обѣтованіе объ искупителѣ значило побѣду человѣка надъ враждебными силами природы, представителемъ которыхъ для древняго вервобытнаго человѣка служилъ змій. *Есть*, наконецъ, выраженія — неумѣстныя и не точно выражающія мысль. Таковы фразы: „голосъ прогнѣваннаго Господа *отдается въ саду*. Голосъ Бога, вѣчно праведный, разбиваетъ въ прахъ его (Адама) неосновательныя *увертки* (стр. 7),“ „*Подъ аркою мира* (разумѣется радуга, явившаяся послѣ потопа) Господь заключилъ съ нимъ завѣтъ,“ Эта картинная фраза не выражаетъ мысли о значеніи радуги, какъ символа завѣта. „Богъ видитъ все это (поклоненіе золотому тельцу) съ своей святой горы — Синая (стр. 63).“ „Первосвященникъ 70 разъ омокнулъ (вм. омакнулъ) палець въ кровь (стр. 66).“ *Слѣдовало бы также переводчику библейскія названія лицъ употреблять не по нѣмецкому, а по русскому переводу Библии. Жена Моисея въ нашей Библии носитъ имя Сепфоры, а не Зипноры, какъ это въ книгѣ, переведенной г. Бѣлявскимъ (стр. 53).* *Статей церковно-историческаго и вообще богословскаго содержанія въ 3-й части сочиненія Бириацкаго, заключающей въ себѣ картины изъ исторіи востока и запада въ первые одиннадцать столѣтій по Рождествѣ Христовомъ, очень много. Почти весь первый отдѣлъ книги подъ заглавіемъ: „утрѣнная заря христіанскаго міра“ касается исторіи явленія христіанства и его распространенія и утвержденія до Константина Великаго. II-й отдѣлъ подъ*

заглавіемъ „народныя движенія на востокъ и западъ“ заключаетъ въ себѣ статьи о явленіи магометанства, о христіанской церкви и ея ученіи въ первые четыре вѣка. Въ III, V и VI отдѣлахъ содержатся статьи „о христіанствѣ на нѣмецкой почвѣ, о борьбѣ нѣмецкаго государства съ папами, о свѣтской и духовной власти въ Итали“ и т. п. Въ прибавленныхъ отъ самого переводчика очеркахъ изъ Русской Исторіи помѣщенъ отдѣлъ о просвѣщеніи Руси христіанствомъ. Наконецъ въ заключительномъ отдѣлѣ книги подъ заглавіемъ: „зачатки христіанскаго образованія“ говорится о вліяніи христіанства и церкви на развитіе просвѣщенія и цивилизаціи въ средѣ христіанскихъ народовъ.

Общій характеръ разсужденій автора и общій взглядъ его на христіанство безукоризненъ и проникнутъ благоговѣйнымъ чувствомъ предъ его божественнымъ величіемъ, предъ его всемірно-историческимъ значеніемъ. Точно также частнѣйшія воззрѣнія и сужденія автора о началѣ христіанства, о св. апостолахъ и великихъ людяхъ въ исторіи церкви, о происхожденіи и значеніи ересей, о борьбѣ Церкви съ ея врагами и о вліяніи ея на гражданскую жизнь народовъ — вполне правильны, и, говоря вообще, заслуживаютъ одобренія. Есть, впрочемъ, мѣста въ книгѣ, которыя не могутъ не вызывать замѣчаній съ церковно-исторической точки зрѣнія. Встрѣчаются во 1-хъ историческія неточности и нѣкоторые произволы въ изложеніи историческихъ событій. Такъ въ разсказѣ о крещеніи Спасителя авторъ зачѣпаетъ: „ни одинъ человѣческій глазъ не былъ свидѣтелемъ этого святаго, полного высокаго значенія дѣла, которое совершилъ послѣдній пророкъ ветхаго завѣта надъ первымъ пророкомъ новаго (стр. 6).“ Евангелисты Матѳей и Маркъ не говорятъ о томъ, были-ли свидѣтели крещенія Спасителя, кромѣ самого крестителя, но это не даетъ еще права на заключеніе о томъ, что ихъ дѣйствительно не было, и что чудеса, сопровождавшія крещеніе Иисуса Христа и гласъ съ неба, торжественно свидѣтельствовавшій о Сынѣ Божіемъ, были видимы и слышимы только самимъ Іоанномъ, а евангелистъ Лука прямо говоритъ, что крещеніе Спасителя совершено въ виду народа, крестившагося въ Іорданѣ отъ Іоанна (Лук. 3. 21.). Въ разсказѣ о Тайной вечери и объ омовеніи ногъ Спасителемъ дѣлается слѣдующее замѣчаніе касательно апостоловъ: „прилично было ученикамъ смиренно совершить этотъ обрядъ своему Учителю, но никто изъ нихъ не взялся за это (стр. 13).“ Евангеліе не говоритъ о такомъ предполагаемомъ авторомъ недостаткѣ смиреннаго усердія апостоловъ къ Спасителю и мы вправдѣ думать, что на этотъ разъ они уступили смиренію самого ихъ Учителя и Господа. Закончивъ разсказъ о Тайной вечери и о томъ, что на ней пред-

ложена была небесная вечера любви и примиренія (предложеніе хлѣба и вина), авторъ заключаетъ: „съ этого времени они (апостолы) сдѣлались соучастниками Его царства, сдѣлались достойными распространять по всей землѣ слово Его (стр. 14).“ Непонятно, что разумѣть здѣсь авторъ, говоря о достоинствѣ апостоловъ — если ихъ готовность и способность распространять вѣру во Христа, то это совершилось въ день сошествія на нихъ Св. Духа, который и называется посему днемъ „рожденія Церкви,“ если ихъ нравственный характеръ, то онъ давалъ имъ право на участіе въ царствѣ Спасителя со дня ихъ избранія въ апостолы. Изображая характеръ апостола Петра, авторъ замѣчаетъ, между прочимъ: „Петръ слишкомъ проникнутъ былъ чувствомъ собственного достоинства, влѣдствіе того, что Господь часто отличалъ его между учениками. Но по временамъ онъ падалъ духомъ изъ боязни за будущее (стр. 27).“ Петръ, дѣйствительно, по временамъ падалъ духомъ, но что онъ проникнутъ былъ не въ мѣру чувствомъ собственного достоинства и притомъ влѣдствіе того, что Господь отличалъ его между прочими учениками, это предположеніе произвольно и исторически не точно. Малодушіе Апостола, или, какъ выразился авторъ, временное паденіе апостола Петра объясняется изъ его характера, сильнаго, живо воспламеняющагося, но не всегда стойкаго, какимъ описываетъ его и самъ авторъ. То и другое свойство апостола Петра, при своихъ обнаруженіяхъ, находило себѣ заслуженную оцѣнку: мы знаемъ изъ Евангелія, что апостоль Петръ слышалъ отъ Спасителя не похвалу только, но и порицаніе (Мате. 16, 23). Въ разсказѣ объ избраніи апостола Павла авторъ говоритъ: „спутники Павла поражены сильнымъ свѣтомъ, но голоса они не слышатъ. Савль слышитъ, къ нему обращенъ голосъ, только онъ понялъ слово (стр. 36).“ Выраженіе относительно спутниковъ апостола Павла „голоса они не слышатъ“ несогласно съ 7 ст. 9 главы кн. Дѣяній, гдѣ говорится: „гласъ убо слышаше, но нико-го же видяще.“ Правда, въ 9 ст. 22-й гл. той же книги Дѣяній говорится, по видимому, совершенно противное: *со мною же сущи... гласа не слышаша глаголюща ко мнѣ.*“ Употребленіе и значеніе греческаго глагола *ἀκούω* — и въ смыслѣ пониманія слышимаго и въ смыслѣ слышанія звука — объясняетъ эту видимую разность въ сказаніи одного и того же св. писателя объ одномъ и томъ же событіи. Точный историческій смыслъ этого повѣствованія, такимъ образомъ, долженъ быть слѣдующій: спутники Павла слышали голосъ (звуки), но не понимали рѣчи, обращенной къ Павлу. Повидимому, самъ авторъ говоритъ или хочетъ указать именно это, когда замѣчаетъ далѣе: „только онъ понялъ слово.“ Во всякомъ случаѣ — это неточность, тре-

бующая болѣе опредѣлительнаго и точнаго выраженія, если уже необходимо передавать рассказъ объ обращеніи ап. Павла со всею подробностію.

По мѣстамъ замѣчается въ сочиненіи Бирнацкаго и не вполне вѣрный историческій взглядъ. Такъ, говоря объ отношеніяхъ Константина Великаго къ христіанству, въ качествѣ покровителя церкви, авторъ замѣчаетъ: „конечно, самъ онъ еще ясно не сознавалъ свое положеніе, какъ христіанина, онъ откладывалъ крещеніе до самаго смертнаго часа“ (стр. 88). Такой взглядъ на отношеніе Константина Великаго христіанству почти общепринятъ въ иностранной, особенно протестантской церковно-исторической литературѣ, но историческія свидѣтельства не даютъ на него права и то обстоятельство, что Константинъ подобно многимъ христіанамъ его времени, обращавшимся изъ язычества, откладывалъ крещеніе до смертнаго часа, еще не доказываетъ, будто онъ колебался въ своихъ воззрѣніяхъ на христіанство, или не ясно сознавалъ свое положеніе, какъ христіанина, и требуетъ себѣ объясненій иного рода. Въ рассказѣ объ обращеніи Руси въ христіанство и о дѣятельности св. Владиміра по отношенію къ устройству церкви, между прочимъ, высказывается слѣдующее сужденіе о значеніи княжескихъ пировъ того времени: „Русскій народъ не понималъ службы, не зналъ христіанскихъ праздниковъ: кто растолкуетъ ему новую вѣру? Греки не знали языка славянъ. И вотъ князь начинаетъ устраивать въ христіанскіе праздники пиры и угощенія для своей дружины и для всего народа. Послѣ церковной службы въ княжескомъ теремѣ пиръ и т. д. И привыкаетъ русскій народъ къ христіанству, замѣчаетъ праздничные дни и т. д.“ (368 стр.). Этимъ совершенно новымъ и оригинальнымъ, но тѣмъ не менѣе неправильнымъ взглядомъ предполагается, что княжескіе пиры для дружины и народа, издавна обычные у русскихъ князей, устраивались почти исключительно съ цѣлію пріучить народъ къ христіанскимъ праздникамъ, съ другой стороны — предполагается отсутствіе въ это время всѣхъ другихъ болѣе нравственныхъ средствъ и мѣръ къ воздѣйствію на народъ, обратившійся изъ язычества, что исторически не можетъ быть оправдано. Гораздо лучше было бы и исторически правильнѣе, еслибъ авторъ вмѣсто этого — полнѣе развилъ мысль о томъ, что при св. Владимірѣ эти княжескіе пиры нѣсколько измѣнили свой характеръ подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, что при этомъ раздавалась милостыня нищимъ и т. п. Самъ авторъ высказываетъ это въ дальнѣйшемъ описаніи пировъ, но эта послѣдняя мысль у него заслоняется предъидущою, высказанною въ формѣ неуѣстной и совершенно безъ нужды. Въ статьѣ о христіанскомъ искусствѣ — причину происхожденія и развитія христіанской символики — указывается

единственно то обстоятельство, что, какъ выражается авторъ, отъ Иисуса Христа не осталось никакого физическаго изображенія, никакого образа—и вотъ, продолжаетъ онъ, сначала изъ священнаго страха не рѣшались на изображеніе Его лица, а взялись за символическое представленіе, именно такое, какое Онъ самъ далъ въ притчахъ (пастырь, агнецъ; стр. 389). Не вѣрно ни то, что отъ лица Иисуса Христа не осталось никакого образа, по крайней мѣрѣ это несогласно съ церковнымъ преданіемъ, ни то, что символика была слѣдствіемъ священнаго страха предъ рѣшимостію изобразить лице Спасителя. Символика была общимъ отличительнымъ характеромъ христіанскаго искусства того времени и касалась не лица только Спасителя. Объясненій ея происхожденія нужно искать въ болѣе общихъ историческихъ и психическихъ причинахъ и основаніяхъ.

Есть, наконецъ, въ сочиненіи Вирнацкаго и выраженія и мысли догматически двусмысленныя и неопредѣленныя. Такъ въ разсказѣ объ искушеніи Спасителя говорится: „Св. Исторія умалчиваетъ о томъ, что совершилось въ это время внутри Его существа. Она знаетъ только, что Онъ, какъ нѣкогда народъ израильскій—подвергнулся искушенію и подобно Моисею—испыталь непосредственную близость Отца (стр. 6).“ Непосредственная близость къ Отцу,—говоря точнѣе, единство со Отцемъ—есть всегда принадлежащее Спасителю свойство, какъ Богочеловѣку и то непонятно, что хотѣлъ сказать авторъ замѣчаніемъ объ этой непосредственной близости Его къ Отцу во время искушенія. Повидимому сочинитель разсматриваетъ исторію искушенія Спасителя съ точки зрѣнія только антропологической, а не догматической. Этимъ только можно объяснить и его предъидущее замѣчаніе объ умолчаніи св. Исторіи касательно того, что произошло „внутри Его существа,“ т. е., повидимому, даетъ мысль, что, выдержавъ борьбу съ искушеніемъ, Спаситель нравственно укрѣпился и сталъ достойнымъ непосредственной близости къ Отцу. Такимъ же и еще болѣе не точнымъ и не полнымъ въ догматическомъ отношеніи характеромъ отзывается и мысль, высказываемая авторомъ въ заключеніе разсказа объ искушеніи. „Искушитель оставилъ Иисуса.... Этимъ рѣшена была давняя борьба свѣта и тьмы. Князь тьмы навсегда побѣжденъ, царство свѣта и небснаго мира праздновало вѣчный триумфъ“ (стр. 7). Нѣтъ нужды доказывать ту общеизвѣстную догматическую истину, что побѣда надъ княземъ тьмы, равно какъ и искушеніе челоѣка совершено смертію и воскресеніемъ Спасителя. Нѣтъ нужды разяснять съ другой стороны, что высказанный авторомъ взглядъ можетъ вести къ раціоналистическому воззрѣнію на заслуги Спасителя, т. е. къ тому воззрѣнію, такъ обычному, у протестант-

сихъ историковъ, которое все значеніе Спасителя и Его заслугъ ограничиваетъ только тѣмъ, что Онъ въ своемъ лицѣ представилъ намъ образецъ добродѣтели, что съ Его явленіемъ въ исторіи человѣчество узнало, уяснило себѣ идеаль нравственной жизни. Также неопредѣлительность и неточность заключается и въ слѣдующихъ словахъ автора на стр. 9-й о нравственномъ характерѣ Спасителя: „такъ какъ Онъ въ себѣ самъ представилъ высшую цѣль человѣческихъ стремленій, то и всѣ земныя желанія людей получили отъ Него удовлетвореніе, какъ скоро въ основаніи ихъ лежало стремленіе къ миру съ Богомъ.“ Неопредѣленно также и двусмысленно выражается авторъ о таинствѣ Евхаристіи, когда предлагаетъ слѣдующее объясненіе словъ Спасителя: „сіе есть тѣло мое, и сія есть кровь моя:“ „кто ѣсть этотъ хлѣбъ и пьетъ это вино, тотъ вступаетъ съ Нимъ во внутреннѣйшее единеніе.“ Лютеранинъ и даже кальвинистъ не нашель бы, что возразить противъ этого, потому, что отвергая мысль объ Евхаристіи, какъ жертвѣ тѣла и крови, онъ также допускаетъ въ ней внутреннѣйшее общеніе (моральное) со Христомъ. Догматически произвольна также и та мысль о земномъ тѣлѣ Спасителя, какую высказываетъ авторъ въ своемъ разказѣ о явленіяхъ Спасителя по воскресеніи. Земное тѣло Спасителя, по словамъ автора, „постепенно преображалось въ небесное,... оно болѣе и болѣе разрѣшалось отъ границъ пространства и времени. Постепенно готовится Его вознесеніе на небо.“ Евангеліе не даетъ намъ никакого права на заключеніе о томъ, что тѣло Спасителя по воскресеніи постепенно одухотворялось. Съ тѣмъ же тѣломъ, съ какимъ воскресъ, Онъ и вознесся на небо.

На основаніи изложеннаго и въ виду благонамѣреннаго въ религиозномъ отношеніи направленія книги Бирнацкаго: „Очерки и картины изъ Всеобщей Исторіи (3 части)“—въ переводѣ Бѣлявскаго, учебный комитетъ не находитъ препятствій къ допущенію этого сочиненія въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій, какъ полезной книги для чтенія воспитанниковъ, съ тѣмъ однако же, чтобы при новомъ изданіи его исправлены были замѣченные учебнымъ комитетомъ недостатки.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Пермскій миссіонерскій епархіальный комитетъ, чрезъ члена его, протоіерея Евгенія Попова, поступили пожертвованія: 1) отъ кунгурскаго 1-й гильдіи купца, Василія Евдок. Ооминыхъ пять руб. (ежегодно) и

2) отъ управителя Артинскаго завода, Александра Петровича Кавадерева, три рубля. Жертвователи эти зачислены въ списокъ *дѣйствительныхъ членовъ* миссіонерскаго отдѣленія на текущей 1873 годъ.

Протоіерей Евгений Поповъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Слово въ день тезоименитства благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича.

С Л О В О

въ день тезоименитства благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *).

Боже, судѣ Твои царици дажди и правду твою сыну царици, судити людемъ Твоимъ въ правдѣ и ницимъ Твоимъ въ судѣ (Псал. 71, 1. 2.).

Царь Давидъ проситъ у Бога себѣ и своему сыну не простой чело-вѣческой справедливости и правоты суда, а правды, свойственной всевѣдущему и правосудному Богу, — проситъ, чтобы на судѣ ихъ царила божественная, небесная правда: Боже, судѣ Твои царици дажди и правду Твою сыну царици. Видно, что онъ, при всемъ желаніи быть справедливымъ, не довѣрялъ чело-вѣческому правосудію и безпристрастію и желалъ, чтобы судѣ царскій, проникнутый правдою Божіею, олицетворялъ въ себѣ совершенную на землѣ и высшую для народа правду.

Въ настоящее время у насъ съ высоты царскаго престола возглашено: да будетъ судѣ скорый, правый и равный для всѣхъ. Съ этою цѣлію въ нашемъ отечествѣ суды преобразуются на новыхъ началахъ и вводятся постепенно новыя судебныя установленія; начинаются эти преобразованія и здѣсь. Въ день тезоименитства виновника скорого и праваго суда чего же лучше

*) Произнесено въ кафедральномъ соборѣ.

пожелать новымъ судамъ нашимъ, какъ не того, чтобы въ нихъ царствовала и олицетворялась правда Божія?

Правда Божія есть высшая и совершеннѣйшая справедливость, которая *воздастъ каждому по дѣламъ его* ¹⁾. Правда Божія не хочетъ гибели грѣшника, но долго ждетъ его обращенія и исправленія. Но эта долготерпѣливая правда Божія есть съ тѣмъ вмѣстѣ и правда наказующая, правда карающая. Тамъ, гдѣ преступления людей переполняютъ мѣру долготерпѣнія Божія, правда Божія вступаетъ въ свои права. Такъ правда Божія послѣ продолжительнаго долготерпѣнія смыла съ лица земли развращенный родъ человѣческой водами потопа; правда Божія ниспослала огонь съ небеси на преступные города; правда Божія не пощадилъ своего избраннаго и любимаго народа и предала его за его невѣріе и нечестіе сначала плѣненію въ землѣ чуждой, а потомъ разсѣянію по всемъ странамъ свѣта. Правда Божія строга къ неисправимымъ. Но если, по слову Писанія, *правды и судъ служатъ основаніемъ престола Божія*; то съ другой стороны, по выраженію того же слова Божія, *милость и истина преходятъ предъ лицемъ Господа* ²⁾ на судѣ Божіемъ *милость и истина срѣтаются, правда и миръ лобызаются* ³⁾. Правда Божія карающая всегда растворена любовью. Правда Божія произноситъ приговоръ: *прими по дѣламъ своимъ достойное возмездіе*. Любовь Божія говоритъ: *не хочу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* ⁴⁾. Первый опытъ Божіей правды, проникнутой любовью, мы видимъ въ самые первые дни бытія рода человѣческаго. Прародители нами, нарушивъ данную имъ заповѣдь, подлежали карѣ правды Божіей; но Богъ возлюбилъ человѣка прежде, чѣмъ судить его, и когда уже правдѣ Божіей невозможно было не казнить его, призвала себя на помощь всю полноту безпредѣльной любви, чтобы въ союзѣ съ нею рѣшить участь человѣка. Правда Божія приговорила наказать его, любовь же рѣшила не губить, а спасти, и принесла правдѣ величайшую крестную жертву для ея удовлетворенія, а правда нашла въ любви свое высочайшее осуществленіе. Былъ первый убійца на землѣ. Правда Божія осудила его, — и трясеніе тѣла было видимымъ знакомъ кары Божіей; но любовь Божія пощадилъ его жизнь, чтобы онъ восчувствовалъ свое страшное злодѣяніе и раскаялся. Эта

¹⁾ Римл. 2, 6.

²⁾ Псал. 96, 2; 88, 15.

³⁾ Псал. 84, 11.

любовь и снисхождение къ преступному человѣку, но и неумолимая справедливость въ отношеніи къ его преступленію должны лежать и въ основаніи суда человѣческаго. Если бы законъ и судъ существовали для того, чтобы только карать, казнить человѣка, хотя бы и виновнаго, то все законодательство и судъ были бы только приговоромъ на все человѣчество; потому что кто же изъ людей не повиненъ предъ закономъ и судомъ? Не хочется вѣрить, чтобы личность человѣка вполне поглощалась его преступленіемъ; напротивъ вѣрится, что и самый страшный злодѣй остается человѣкомъ, носящимъ въ себѣ образъ Божій, хотя и помраченный. Къ чести человѣчества и во славу Божию слѣдуетъ сказать, что въ человѣкѣ, созданномъ по образу Божию и возрожденномъ благодатію Христовою, больше добра, чѣмъ зла, что и въ явномъ преступникѣ всегда остается сѣмя добра къ его нравственному обновленію. Поэтому задача закона и суда та, чтобы карать преступленіе и падать преступника, уничтожить зло и снисходить человѣку. Правда, что трудно провести черту раздѣленія между личностію преступника и его преступленіемъ, но пронизательная совѣсть судіи, любвеобильное христіанское чувство сердца всегда подскажутъ, гдѣ дѣйствовалъ человѣкъ по влеченіямъ своей грѣховной природы и гдѣ дѣйствовалъ преступникъ, заглушившій совѣсть, подскажутъ, что произошло отъ глубокой нравственной испорченности сердца и требуетъ кары и что было слѣдствіемъ постороннихъ неотразимыхъ вліяній и заслуживаетъ снисхожденія. Мало этого: любовь Божія идетъ еще далѣе. Если она слышитъ сознаніе грѣшника, видитъ его раскаяніе, видитъ его сердце незагрубѣлое, но готовое къ исправленію, она сама идетъ ему на встрѣчу не съ приговоромъ осужденія, а со словомъ прощенія. Былъ Божественный Учитель любви на землѣ. Одна женщина, не отличавшаяся чистотою жизни, сидѣла у ногъ Его и безмолвно плакала, орошая слезами ноги Его. *Прощаются ей многіе грѣхи*, сказалъ Учитель любви и правды, прощаются, потому, что *она любитъ много*. Стало быть совершенство суда не въ томъ только, чтобы страхомъ законнаго возмездія пресѣкать преступленіе и оказывать снисхождение менѣе виновному, а еще болѣе въ томъ, чтобы въ преступной душѣ пробудить добрыя чувства, чтобы поднять павшее сердце и словомъ любви и прощенія дать раскаявающемуся нравственную силу къ исправленію и обновленію.

Правда Божія нелицепріятна. По слову Писанія, *Господь судія есть и нсть у Него славы лица* ⁵⁾, *нть у Него лицепріятія* ⁶⁾. Предъ

⁵⁾ Сирах. 35, 12.

⁶⁾ Рим. 2, 11.

судомъ Божиимъ всѣ равны; предъ правосудіемъ его нѣтъ ни благородныхъ, ни худородныхъ, ни высокоученыхъ, ни темныхъ людей, ни богатыхъ, ни убогихъ; предъ очами Божиими и вельможи, и простолюдины, господа, и слуги— всѣ ни больше ни меньше, какъ рабы Всевышняго, равные предъ судомъ Его. На послѣднемъ судѣ Божиемъ люди будутъ раздѣлены не по положенію своему въ свѣтѣ, не по состоянію своему и не по образованію, а по своимъ нравственнымъ достоинствамъ, и будутъ раздѣлены только на двѣ половины, на добрыхъ и злыхъ, праведныхъ и грѣшныхъ ⁷⁾. Такое же нелицепріятіе и безпристрастіе должно быть душою суда человѣческаго, такое же равное отношеніе ко всякому человѣку безъ различія его положенія въ свѣтѣ, безъ всякой примѣси личныхъ чувствъ и постороннихъ вліяній, должно быть и на судѣ человѣческомъ. Судія не можетъ не видѣть и не знать лица, которое имѣетъ дѣло до суда, но долженъ забыть, кто онъ. Недостаткомъ этимъ издавна страдало человѣческое правосудіе. Еще царь Давидъ обличалъ судей своего времени: *Доколь будете вы судить неправедно, говоритъ онъ, и оказывать лицепріятіе нечестивому? Двѣйте судъ бѣдному и сиротѣ, угнетенному и нищему оказывайте справедливость* ⁸⁾. Поэтому законодатель и пророкъ Моисей, предоставивъ народу избрать мужей мудрыхъ, умѣтельныхъ и смысленныхъ, и устроивъ судъ въ народѣ израильскомъ, предостерегалъ избранныхъ судей отъ лицепріятія и издомства: *да не познаете лица въ судѣ, малому и великому судите и не устыдитесь лица человека, яко судъ Божій есть* ⁹⁾; а объ устройствѣ суда въ землѣ обѣтованной онъ заповѣдывалъ такъ: *судіи и книгои поставиши себѣ во всѣхъ градѣхъ твоихъ и да судятъ людямъ судъ праведный, да не уклонятъ суда, ниже познаютъ лица, ниже да возьмутъ даровъ; дары бо ослѣпляютъ мудрыхъ и отמעшутъ словеса праведныхъ* ¹⁰⁾.

Что же сдѣлано новымъ законодательствомъ для того, чтобы судъ человѣческой проникнуть былъ правдой Божіей и олицетворялъ всю полноту правды человѣческой? Прежде основаніемъ суда и приговора служили формальныя доказательства, на основаніи которыхъ произносился приговоръ оправданія или осужденія. По новымъ началамъ суда въ основурѣшенія полагается

⁷⁾ Матѣ. 25, 31—46.

⁸⁾ Псал. 81, 2—4.

⁹⁾ Втор. 1, 17.

¹⁰⁾ Втор. 16, 18. 19.

совѣсть и внутреннее убѣжденіе лицъ, произносящихъ судебныя приговоры. Такимъ образомъ единичная совѣсть каждаго судіи и внутреннее убѣжденіе нѣсколькихъ лицъ, какъ представителей общественной совѣсти, должны олицетворять всю полноту правды человѣческой, возможной въ семь мірѣ. Что же? Хорошая совѣсть—отличный судья. Это самимъ Создателемъ вложенный въ душу человѣка неумолкаемый и неподкупный голосъ. Это данный Богомъ внутренній законъ; это поставленный отъ Бога надъ человѣкомъ домашній судія, безпристрастный даже къ себѣ. Но всякая ли совѣсть благонадѣжна, чтобы быть основою суда и приговора? Гражданское законодательство при выборѣ судящей совѣсти опредѣляетъ нѣкоторыя внѣшнія условія: зрѣлость возраста, извѣстную степень образованія, нѣкоторыя качества внѣшней гражданской жизни и мѣру имущественнаго владѣнія и тѣмъ какъ бы обезпечиваетъ хорошія качества судящей совѣсти. Правда, что все эти условія въ совокупности и преимущественно предъ другими одно изъ нихъ,—образованіе, могутъ служить ручательствомъ праваго суда совѣсти: воспитанные въ правилахъ чести и проникнутые негодованіемъ къ мздоимству и лицепріятію люди науки дѣйствительно имѣютъ въ себѣ задатки честнаго и безпристрастнаго отношенія къ дѣлу и признаки неподкупной совѣсти; но все ли тутъ, что нужно? Что если судящая совѣсть сама въ себѣ нечиста и способна извинять въ другихъ то, что сознаетъ за собой? Что если внутреннія убѣжденія ума неустойчивы сами въ себѣ, колеблются всякимъ вѣтромъ современныхъ ученій, а въ отношеніи къ собственной жизни способны на сдѣлку со своею совѣстію? Не нужно ли еще что-нибудь? Да, нужно еще многое. Внѣшній законъ не можетъ проникать въ тайны души человѣческой, а потому не указываетъ и не опредѣляетъ внутреннихъ качествъ судящей совѣсти; ихъ указываетъ законъ нравственный, законъ христіанскій, который требуетъ отъ каждаго христіанина и отъ каждаго общественнаго дѣятеля совѣсти доброй, чистой, непорочной¹¹⁾. Прежде всего совѣсть судіи должна быть чиста предъ Богомъ и людьми¹²⁾. Тогда только она будетъ судить, не краснѣя сама за себя; тогда только она будетъ дѣйствовать всею силою своего нравственнаго чувства безъ потворства преступному дѣланію; будетъ произносить приговоры со всею силою убѣжденія безъ зазрѣнія себя; тогда голосъ ея будетъ правдивъ, а не лукавъ; тогда только она будетъ владѣть внутреннимъ сознаніемъ правоты своего приговора. Совѣсть

¹¹⁾ 1 Петр. 3, 16; 1 Тим. 1, 5; Дѣян. 23, 1; Евр. 13, 18; 2 Тим. 1, 3.

¹²⁾ Дѣян. 24, 16; Дѣян. 23, 1.

должна быть слишком прозорлива, чтобы проникать во все тайные изгибы преступного дѣла и преступнаго сердца, гдѣ не укрывалась бы отъ испытующихъ взоровъ ея ни одна черта, объясняющая свойство преступленія и увеличивающая или уменьшающая его виновность. Совѣсть должна быть слишкомъ чувствительна, чтобы могла всецѣло отразить въ своемъ сознаніи образъ судимаго дѣла и прочувствовать все нравственное значеніе его, всю его гнусность или всю жалость, все, вызывающее въ немъ строгую кару, или достойное снисхожденія; но при всей своей чувствительности судящая совѣсть должна быть на столько устойчива и тверда, чтобы не быть рабою личныхъ чувствъ и возрѣній, или постороннихъ вліаній, или распространенныхъ въ современномъ мірѣ понятій и взглядовъ, всегда измѣчивыхъ и непостоянныхъ. Совѣсть должна видѣть лучше и дальше внѣшнихъ законовъ, которые никогда не могутъ объять и опредѣлить всехъ дѣлъ жизни человѣческой, предусмотрѣть и рѣшить все частныя вопросы ихъ вмѣняемости. Легко ли это для человѣка, даже лучшаго? Изъ той важной задачи, которая предлежитъ судящей совѣсти, не яено ли, что тутъ вводится въ судъ какая-то высшая правда, на которой должна опираться судящая совѣсть? Да, судить человѣка по внутреннему убѣжденію, рѣшать своею совѣстію его участь, — какое глубокое, и всестороннее, и тонкое развитіе совѣсти тутъ нужно! какая осмотрительность и прозорливость въ составленіи убѣжденія! и какая великая нравственная отвѣтственность! Одно только есть средство къ такому развитію, одинъ источникъ, изъ котораго можно почерпнуть нравственную силу убѣжденія — правда Божія. Когда совѣсть проникнута духомъ этой правды, карающей несправимаго, наказующей преступнаго съ любовію и снисхожденіемъ, нелицепріятной и безпристрастной, когда внутреннее убѣжденіе будетъ утверждаться на тѣхъ же началахъ правды Божіей и изъ нихъ почерпнуть свою силу; тогда только судъ совѣсти можетъ быть правъ и безошибоченъ, тогда въ немъ судить Богъ.

Помолимся же о царѣ, даровавшемъ своему царству новый судъ, скорый, правый и равный для всехъ, да *правда Божія и судъ Божій* будетъ *основаніемъ престола Его*¹³⁾. Помолимся и о новыхъ судахъ нашихъ молитвою царя Давида: *Боже! дай судъ Твой нашимъ судамъ и правду Твою нашимъ судіямъ, да судятъ праведно людей Твоихъ*¹⁴⁾. Аминь.

¹³⁾ Псал. 96, 2. ¹⁴⁾ Псал. 71, 1.

Редакторъ, ректоръ семинаріи, протоіерей *Іоаннъ Лаговскій*

Дозволено цензурою 8 сентября 1873 г.

Г. Пермь. Типографія Попова.